

о Тарских событиях 1722 г. // Рукописная традиция XVI—XIX вв. на востоке России (Археография и источниковедение Сибири). Новосибирск, 1983. С. 46—70.

Сикорский 1897 — Сикорский И. А. Эпидемическая вольная смерти и смертоубийства в Терновских хуторах (близ Тораполя). Психологическое исследование. Киев, 1897.

Скворцов 1914 — Скворцов Д. И. «Розыск о раскольнической брынской вере» св. Димитрия, митрополита Ростовского, с предварительным очерком современного ему раскола в Ростовской области. М., 1914.

Смирнов 1903 — Смирнов П. С. Из истории противораскольнической миссии XVII в. Поездка архимандрита Игнатия и протопопа Иоанна Иоаннова в Кинешму для увещания раскольников и составленное Игнатием описание этой поездки. СПб., 1903.

Собрание 2006 — Собрание от Святого Писания о антихристе // Петр I в русской литературе XVIII века. (Тексты и комментарии). СПб., 2006. С. 306—319.

Сырцов 1888 — Сырцов И. Я. Самосожигательство сибирских старообрядцев в XVII и XVIII столетии. Тобольск, 1888.

Увещание 1872 — Увещание от святейшего Синода об уклонении от самовольного страдания и лишения жизни // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. Т. 2. СПб., 1872. № 588. С. 234—348.

Чумичева 1998 — Чумичева О. В. Соловецкое восстание 1667—1676 гг. Новосибирск, 1998.

Юхименко 1999 — Юхименко Е. М. Неизвестная страница полемики Выговских старообрядцев с официальной церковью: предыстория «Поморских ответов» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. LI. СПб., 1999. С. 404—416.

Список сокращений

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

Summary. The article deals with the peculiarities of the formation of rumors about the self-immolation. As the article basis the numerous works left contemporaries of events aimed at struggle against rumors have served. The author finds that the diversity of the motifs which drive the Old Believers to suicide, as well as the significant effect of rumors on the adoption of the fatal decisions.

Key words: clergy, self-immolation, the Old Believers, suicide, rumors, Orthodoxy.

Ю. А. ИВАНОВ

(Шуя)

СЛУХИ В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.: ШУЙСКИЙ УЕЗД ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация. Рассматриваются слухи, циркулировавшие в Шуйском уезде Владимирской губернии во второй половине XIX — начале XX в. Среди наиболее часто встречаемых можно выделить: «аграрные» слухи (о переделе земли, отмене платежей, отнятии земли у помещиков и т. д.), слухи о царе (покушения, здоровье и т. д.), слухи о войнах или «измене» и т. д.

Ключевые слова: слухи, общественные фолии, эсхатология, информационный изоляционизм

Роль слухов в жизни того или иного социума в определенные исторические периоды, их влияние на политическую ситуацию, психический фактор этого феномена не новы как для фольклористики, социальной психологии и исторической социологии, так и для исторической науки (см., напр. [Войтасик 1981]). Не новы прежде всего в той части, которую можно обозначить как историю ментальности, «историю видения мира», с присущим ей интересом к истории коллективных представлений и воображения в том виде, в каком они вырисовываются, судя по отношению людей к власти, религии, «своим» и «чужим», семье, жизни и смерти...

В начале XX в. В. О. Ключевский отмечал, что «исторические факты — не одни происшествия; идеи, взгляды, чувства, впечатления людей известного времени — те же факты и очень важные, точно так же требующие критического изучения» [Ключевский 1914, 360]. В полной мере это относится и к слухам, циркулировавшим в обществе.

В российской истории выделяются периоды, когда слухи играли огромную роль: период «смуты» начала XVII в. (самозванчество «лжедмитриев»), 60—70-е гг.

XVIII в. (социально-утопическая легенда императора Петра III). Слухи-утопии циркулировали в крестьянской среде и в более позднее время [Клибанов 1978; Мыльников 1991; Скрынников 1987; Скрынников 1988; Троицкий 1969; Успенский 1982; Чистов 1967].

Вера в слухи, как одна из черт психологии русских крепостных первой половины XIX в., была рассмотрена Б. Г. Литваком [Литвак 1971]. «Вести и слухи», в том числе и суеверные, в жизни сельского мира, механизм их распространения в XVIII—XIX вв. рассматривались как этнографами и бытописателями [Максимов 1987, 431—444; Максимов 1994; Успенский 1893; Дикарев 1894], так и современными исследователями [Россия в революционной ситуации 1983, 161—168; Громыко 1991, 209—214; Миронов 1999, 240, 243]. В основном их интерес вызывала социально-бытовая сторона проблемы и роль слухов в механизме формирования общественного мнения среди народа.

В провинции слухи, в отличие от столиц и промышленных центров, и во второй половине XIX — начале XX в. оставались реальным фактором народной жизни. В данной статье мы рассмотрим бытование слухов в Шуйском уезде. Для анализа мы используем как информацию, относящуюся непосредственно к Шуйскому уезду, так и сообщения из соседних уездов Владимирской губернии. Положение дел в рассматриваемом нами регионе можно проэкстраполировать и на другие провинциальные районы европейской части России.

С одной стороны, слухи в российской провинции во второй половине XIX — начале XX в. были важной формой выражения общественного настроения и мнения, а с другой — сами способствовали их формированию. Люди воспринимали слухи по-разному, в зависимости от собственных установок и ожиданий. В силу этого слухи, будучи традиционным для России видом устной народной информации, не могли оставаться вне сферы контроля.

С точки зрения социальной психологии, слухи — это прежде всего устно передающиеся житейское толкование будоражащих или малопонятных соци-

ально значимых явлений, создающих ситуацию психической напряженности, а то и паники — группового конфликтного эмоционального состояния, возникающего при дефиците информации, необходимой для разумного принятия решений [Аронсон 1981, 15, 41—42].

Интерпретация слуха базируется на соотношении аргументов, рассказов, описаний. Принципиально важно, что в процессе многоэтапной устной передачи слухи (события) не только обрастают вымышленными подробностями, но нередко и кардинально меняют свой характер — в зависимости от представлений, симпатий и чаяний той среды, в которой они распространялись [Громыко 1991, 209]. Люди вообще воспринимают лишь ту информацию, которая соответствует их убеждениям. Для провинциальной России рассматриваемого периода это было столь же характерно, как и для современности [Буданцев 1991, 6].

В социальной психологии обычно выделяют три типа слухов: «слух-желание», «слух-пугало», «агрессивный слух» [Ольшанский 2003, 277—279]. Местным властям чаще приходилось иметь дело со «слухом-желанием» — попытками выдать желаемое за действительное («аграрные» слухи) и со «слухом-пугалом» — боязливым ожиданием каких-либо неприятных событий («погромные» или апокалипсические слухи). «Агрессивных слухов» российская провинция не знала.

Власть на местах рано осознала сезонность распространения слухов. Временем наиболее активной циркуляции слухов в крестьянской среде были начало года, Рождество и святочные дни, Пасха и ярмарки, традиционно приуроченные к престольным церковным праздникам. Впервые на это обратили внимание в период подготовки и проведения крестьянской реформы. Впрочем, сама верховная власть способствовала этому — манифест 19 февраля 1861 г. был оглашен приходскими священниками в Прощеное воскресенье. В этот период слухи в основном трактовали будущую «волю»: права и возможности различных групп крестьян после освобождения. Пресечение «возбуждающих», «ложных» слухов среди

крестьянского населения становится одной из постоянных совместных забот полицейских и жандармских властей.

Будоражащие вести нарушали привычный порядок, подрывали «тишину» и мешали «сохранению благочиния и безопасности», поддержание которых было прямой обязанностью уездного исправника и подчиненной ему полиции [Белявский 1904, 52; Парийский 1913, 9]. С точки зрения властей опасность представляли не только «политические» слухи. Склонная к суевериям, значительная часть крестьян (прежде всего женщины), оказывалась восприимчива к слухам апокалипсического свойства или, по-русски, слухам о Светопреставлении («конец света» и простонародные эсхатологические настроения, голод и мор, война и «смута» и т. д.), основанным на «достоверных» предзнаменованиях. По свидетельству корреспондентов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева по Шуйскому уезду Владимирской губернии (священник Ф. Казанский, фабрикант и краевед Я. П. Гарелин и др.), отвечавших в 1896—1900 гг. на вопросы «Программы этнографических сведений о крестьянах Центральной России», зафиксировано немало примеров характерных «знамений» «общественных бедствий и разлада», по сути суеверных настроений с эсхатологическим оттенком [РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 65. Л. 1—9; Быт 1993, 135—136, 269—270].

Здесь следует отнести и религиозно-экзальтационные пугающие слухи о мифических сектах: в Шуйском уезде в 1908—1909 гг. неоднократно возникали слухи о «красносмертниках», кончающих жизнь самоудушением «красной освященной подушкой» и считающих, что мученическая кончина искупает грехи. Существование секты судебным властям установить так и не удалось [Старый владимирец 1909]. Эти слухи возникли на фоне мифологизированной в сознании власти и обывателя деятельности в уезде старообрядцев-странников и обычно циркулировали в связи с «загадочными» смертями криминального характера.

В то же время крестьянские суеверия в чистом виде, в том числе связанные с эпидемиями или стихийными бедстви-

ями и противоречащие православной богослужебной практике, не вызывали активного противодействия со стороны местных благочинных и епархиальных властей; только печать обратила внимание на массовый характер «опахивания деревень от холеры плугом, везомым девушками, одетыми в одни белые рубашки», в августе 1910 г. в Кохомской волости Шуйского уезда [Старый владимирец 1910].

В пресечении слухов власти первоначально экстраполировали на них сложившееся отношение к религиозным лжепредсказаниям и лжепредзнаменованиям, которые были запрещены законом. Только в этих случаях речь шла не о религиозном, а о политическом вреде, прежде всего с точки зрения «возбуждения» общества. В церковной практике, в случае «суеверных... разглашений, производящих в народе заметное впечатление, с признаками неблагонамеренного вымысла или корыстных видов» [Устав 1890], епархиальные власти прибегали к мерам вразумления и увещевания, одновременно уведомляя об этом губернские власти и Синод.

При чрезвычайных обстоятельствах, когда роль слухов возрастала многократно, как это не раз бывало в 1905—1907 гг., указанных мер было явно недостаточно.

Слухи, циркулировавшие в провинции во второй половине XIX — начале XX в., группируются по значимости и частоте возникновения. Это прежде всего «аграрные» слухи (о переделе земли, отмене платежей, отнятии земли у помещиков и т. д.), слухи «о царе» (покушения, здоровье, семейно-интимные дела и т. д.), слухи «о войне» или «измене» (возможной или в контексте причудливой интерпретации реальных военных событий 1877—1878, 1904—1905, 1914—1917 гг.) и, наконец, слухи о конкретных политических событиях как общероссийского, так и местного масштаба (бунт или заговор, забастовка или погром; в этих случаях они могли иметь и «городской» характер).

Личность Царя-Освободителя (Александра II) была предметом досуговых «вымыслов» и сплетен, причем не только среди крестьян. В марте 1875 г. иваново-вознесенский полицмейстер

представил в губернское жандармское управление рапорт «о слухах, распускаемых в народе про Особу Государя Императора», в котором давалась сводка наиболее типичных слухов (в основном личного характера) об Александре II, циркулировавших в городской обывательской среде [ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 1374. Л. 1]. Настоящим испытанием для местных властей стало покушение на императора 1 марта 1881 г., в различных, порой совершенно фантастических интерпретациях которого не было недостатка. Первой реакцией властей явились мероприятия по недопущению обсуждения царевубийства в общественных и «злачных» местах — трактирах, кабаках, харчевнях и т. д. 4 марта владимирский губернатор секретным циркуляром вменял в обязанность уездным исправникам «строжайше внушать всем подведомственным ... чинам отнюдь не позволять себе никаких разговоров о совершившемся 1 марта горестном событии... и вообще приказать не позволять им произносить Имя в Бозе почившего Императора... в присутствии в нетрезвом виде находящихся людей» [ГАИО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1. Л. 18]. Но в «первомартовской ситуации» волна слухов не остановилась, а перешла на качественно иной уровень — тайных обсуждений, что в напряженной атмосфере перемены царствования и преувеличенных представлений о «могуществе» бомбистов-революционеров породило в провинции нервную обстановку в сочетании с боязнью «заговора» и, как следствие, — появление огромного количества доносов на «шептунов», обычная «вина» которых заключалась в «неправильных» отзывах о покушении.

Губернские и уездные власти оказались не готовы к такому повороту событий, но изменили тактику — стали «фильтровать» слухи, пытаясь на первичном уровне отделить вымысел, фантазмагорию от потенциальной реальности с признаками злого умысла. 31 марта 1881 г. владимирский губернатор «совершенно секретным» указом информировал уездных исправников и полицеймейстеров, что «при ежедневном, в значительном числе, поступлении из уездов вверенной <ему> губернии представлений о разного рода пред-

судительных толках и суждениях по поводу злодеяния 1 марта», которые стали известны местным властям в результате как доносов, так и «полицейских разведок», рекомендуется на местах разграничивать обывательскую болтовню и действительно «злонамеренные», подстрекательские суждения, которые подпадают под уголовное преследование (закон от 19 мая 1871 г.) и только о таковых извещать губернские власти [ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Д. 1466. Л. 2].

С 1900-х гг. ежегодные отчеты помощника начальника губернского жандармского управления по каждому уезду включали обязательный раздел о настроениях (слухах) среди различных категорий населения. В первую очередь речь шла о крестьянах и фабричных рабочих [ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 493. Л. 3]. На это ориентировали и уездного исправника, которому было вменено в обязанность «установить постоянное и самое строгое секретное наблюдение за настроением рабочих на фабриках и заводах, а также за лицами сомнительной политической благонадежности» [ГАИО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1. Л. 51]. Со стороны властей складывается отношение к слухам как к разновидности устной революционной пропаганды, поскольку они также возбуждают «среди рабочих скрытое недоброжелательство в отношении фабрикантов... и полиции, поддерживаемое распропагандированным сознанием, что их интересы совершенно противоположны интересам хозяев» [ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 493. Л. 3об].

Отслеживая слухи в фабрично-заводской среде, местные власти учитывали восприимчивость к ним подавляющей части рабочих — выходцев из деревни. В 1900 г. публицист «Русского богатства» В. Дадонов отмечал у иваново-вознесенских рабочих «чисто крестьянское легкоеверие ко всяким, иногда самым нелепым толкам и слухам. Порой, как и в коренной земледельческой деревне, слухи эти носят характер чисто оптимистический: кто-то, где-то неустанно бдящий о благе “простого народа”, наконец решается всех облагодетельствовать самым невероятным способом. Но чаще слухи принимают характер тревожный, угрожая новыми стеснения-

ми и бедой» [ЦДНИИО. Ф. 281. Оп. 1. Д. 42. Л. 51; Дадонов 1900, 184].

Даже в 1905—1907 гг., когда Шуйский уезд Владимирской губернии был в центре революционных событий, а сознание масс, казалось, стало более политизированным, слухи о местных делах приобретали в крестьянской среде совершенно фантастический характер, далеко не всегда из-за отсутствия информации, а в силу интерпретации, основанной на патриархально-консервативных убеждениях. Погромное выступление правомонархических сил в Иваново-Вознесенске в октябре 1905 г. в оценке крестьян близлежащих деревень представало как организованное мероприятие, в ходе которого в «городе ловят “политиков”, отпускают только тех, на ком есть крест, а не имеющих креста убивают, и за это не судят. Уверяли, что в городе убивают каких-то “полицарпов” за то, что они поснимали с себя кресты». Революционерам-мемуаристам оставалось только сетовать на «темноту» крестьянства, к «просвещению» которого они прилагали столько усилий [Самойлов 1954, 121]. Действительно, по свидетельству современников-бытописателей, крестьяне даже из пригородных деревень мало что знали о законах и предписаниях по поддержанию общественного порядка, отсюда фантазмагоричность некоторых «охранительных» слухов [Быт 1993, 175]. Ситуация достаточно органично вписывалась в общероссийский контекст — к концу XIX в. в народном правовом быту закон, жизнь и правовые воззрения крестьян оказались в состоянии конфликта [Шатковская 2000, 99—100, 103].

После 1905 г. в провинциальной жизни особое место на протяжении двух-трех лет имели регулярно возникавшие, городские по своей природе, слухи «о погромах». Обычно они начинали циркулировать перед ярмарочными днями, мероприятиями местных правых (вроде «освящения» знамен Союза русского народа в Шуе и Иваново-Вознесенске в декабре 1906 и феврале 1907 г.) или годовщинами Манифеста 17 октября. Во всех зафиксированных случаях слухи оказались ложными, но ни разу полиции не удалось напасть на след их

распространителей. Печать сообщала о «темных личностях», сновавших в толпе, но вряд ли это были провокаторы или «идейные» черносотенцы. Скорее речь шла о хулиганах, использовавших неустойчивую политическую ситуацию. Характерно, что в этих слухах погром не ассоциировался исключительно с антиеврейским выступлением, а подразумевал массовые беспорядки как таковые.

Постреволюционная ситуация привела как к изменению характера слухов (они часто смыкаются с околополитическими сплетнями: не случайно с 1907 г. в губернских либеральных газетах «Владимирец», «Старый владимирец» появилась (и в дальнейшем сохранялась) регулярная рубрика «Вести и слухи»), так и к более спокойному отношению к ним уездных властей. Тем не менее, с 1911 г. любой уездный исправник должен был каждый месяц представлять губернатору сведения о настроениях жителей уезда, в том числе о «ложных слухах среди крестьянского (земледельческого) населения». В отчете отражались «нежелательные толки» и «демонстративные выходки» и в других социальных группах.

По-прежнему в деревне основное место занимали «аграрные» слухи: в 1910—1914 гг. они ежегодно возникали в декабре-январе и не отличались разнообразием. Обычно речь шла о предстоящем «переделе земли, дополнительном наделении крестьян землями за счет казенных и помещичьих, причем у помещиков будут... оставлены лишь усадьбы» [ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 874. Л. 4]. В этой связи начальник владимирского губернского жандармского управления специальным циркуляром обязал жандармские органы в уездах, чтобы их чины, «совершая поездки по делам службы, обязательно входили в разговоры с крестьянами по изложенным вопросам и самым категоричным образом заявляли бы крестьянам, что никакой бесплатной нарезки земли не будет». Местной полиции предлагалось обратить особое внимание на распространителей «нелепых слухов»: офеней, приезжих торговцев и крестьян, возвратившихся на праздники с отхожих промыслов [ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 874.

Л. 10 — 10об.]. Наряду с перечисленными категориями, обычными разносчиками слухов-«небылиц» в уезде были нищие и странники-богомольцы, те, кого хорошо знавший быт владимирских уездов С. В. Максимов в 60—70-х гг. XIX в. называл «нищесбродами» и каликами переходжими (слепцы-старцы) [РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 68. Л. 11; Максимов 1989, 56—128].

В ряду источников информации, которая в результате крестьянской интерпретации могла приобрести характер слуха, зачастую оказывались, сами того не подозревая, и «деревенские интеллигенты»: священник, фельдшер, волостной писарь. Степень значимости того или иного источника слухов в сельской местности менялась в зависимости от времени или условий, но в целом это была общероссийская тенденция [Громыко 1991, 209—210].

Городские слухи были менее «будоражающими», но более разнообразными. Обычно «слухи о войне» в городской обывательской среде основывались на провинциальной интерпретации реальной международной обстановки и опирались на газетную информацию. Так, балканские события 1912 г. вызвали в уезде (прежде всего в Шуе и Иваново-Вознесенске) толки о возможности войны с Австро-Венгрией «в смысле нежелательности войны вообще» [ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 871. Л. 107]. В отличие от сельской местности, городские слухи даже о серьезных политических событиях государственного или международного масштаба никогда не доходили до уровня катастрофизма, оставаясь обывательскими досужими сплетнями, демонстрируя общую тенденцию отстраненности провинциального общества от «большой» политики.

В целом власти смирились, что слухи и толки являются неременной частью провинциальной жизни, и поэтому не пытались искоренить их, а только контролировали и, по возможности, сглаживали негативное воздействие, чаще всего малоэффективными мерами. Мысль, что слухи — порождение недостатка информации, была для властей неприемлема. Одним из постулатов для них был «информационный изоляционизм» — контроль и дозиров-

ка информации. Местные власти были готовы скорее вести бесконечную вялотекущую «войну со слухами», чем сделать более широким информационное поле.

Литература

Аронсон 1998 — Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. М., 1998.

Белявский 1904 — Белявский Н. И. Полицейское право. Юрьев, 1904.

Буданцев 1991 — Буданцев Ю. П. Информационный мониторинг // Массовая коммуникация в современном мире. М., 1991. С. 3—16.

Быт 1993 — Быт великорусских крестьян-землепашцев. СПб., 1993.

Войтасик 1981 — Войтасик Л. Психология политической пропаганды. М., 1981.

Громыко 1991 — Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991.

Дадонов 1900 — Дадонов В. «Русский Манчестер» (Письма об Иваново-Вознесенске) // Русское богатство. 1900. № 12.

Дикарев 1894 — Дикарев М. А. Толки народа о скорой кончине света // Этнографическое обозрение. 1894. № 2. С. 21—27.

Клибанов 1978 — Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. XIX век. М., 1978.

Ключевский 1914 — Ключевский В. О. Отзывы и ответы. Третий сборник статей. М., 1914.

Литвак 1971 — Литвак Б. Г. О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в. // История и психология. М., 1971. С. 199—214.

Максимов 1987 — Максимов С. В. Нишняя братия // Максимов С. В. Избранные произведения: в 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 431—444.

Максимов 1989 — Максимов С. В. По Русской земле. М., 1989.

Максимов 1994 — Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994.

Миронов 1999 — Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 2.

Мыльников 1991 — Мыльников А. С. Искусшение чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Л., 1991.

Ольшанский 2003 — Ольшанский Д. В. Психология масс. М., 2003.

Парийский 1913 — Парийский Д. Руководство городовым Иваново-Вознесенской полиции. Иваново-Вознесенск, 1913.

Россия в революционной ситуации 1983 — Россия в революционной ситуации на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1983.

Самойлов 1954 — *Самойлов Ф. Н.* По следам минувшего. М., 1954.

Скрынников 1987 — *Скрынников Р. Г.* Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987.

Скрынников 1988 — *Скрынников Р. Г.* Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988.

Старый владимирец 1909 — Старый владимирец. 1909. 27 июня.

Старый владимирец 1910 — Старый владимирец. 1910. 6 августа.

Троицкий 1969 — *Троицкий С. М.* Самозванцы в России XVII—XVIII вв. // Вопросы истории. 1969. № 3. С. 134—146.

Успенский 1893 — *Успенский Д. И.* Толки народа // Этнографическое обозрение. 1893. № 2. С. 183—189.

Успенский 1982 — *Успенский Б. А.* Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Язык средневековой культуры. М., 1982. С. 201—235.

Устав 1890 — Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1890. Ст. 30, 31, 35.

Чистов 1967 — *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII—XVIII вв. М., 1967.

Шатковская 2000 — *Шатковская Т. В.* Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX века // Вопросы истории. 2000. № 11—12. С. 96—106.

Список сокращений

ГАВО — Государственный архив Владимирской области.

ГАИО — Государственный архив Ивановской области.

РЭМ — Российский этнографический музей.

ЦДНИИО — Центр документации новейшей истории Ивановской области.

Summary. The article examines the rumours which have circulated around Shuya district of Vladimir province in second half of the XIX — beginning of XX century. Between the most frequently met are the «agrarian rumours» (dealing with redistribution of land, payments abolishment, taking the land from nobility, etc), rumours «about the Tsar» (attempts on his life, health, etc), war and treason rumours. It was also rumoured on the topics of religious sects' activity, epidemics, disasters, political events.

Key words: rumours, social phobias, escatology, informational isolationism.

Д. В. ГРОМОВ

(Москва)

«СОВЕТСКИЕ НЕОФАШИСТЫ» И ИХ МИФОЛОГИЗАЦИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

(1980 — начало 1990-х гг.)

Аннотация. В 1980-х гг. в Советском Союзе неоднократно возникали моральные паники, связанные с мнимыми выступлениями молодых неонацистов. Рассказы о неонацистах можно рассматривать как фольклорные тексты, построенные в соответствии с логикой традиционной мифологии: восприятие неонацистов строится по принципу демонизации «иных».

Ключевые слова: молодежь, молодежные субкультуры, моральные паники, неонацисты, слухи, интернет-фольклор.

У тех, кто вырос в Советском Союзе, слова «советский» и «неонацист», поставленные вместе, вызывают удивление и неприятие до сих пор, а в советском обществе такое словосочетание и вовсе воспринималось бы как дикость, несопоставимость, оксюморон, подобный «сухой воде» и «горячему снегу». В Советском Союзе, потерявшем в годы Второй мировой войны 27 миллионов человек, ненависть к фашизму была искренней и всеобщей. Поэтому для советских людей начала 1980-х гг. шокирующим было сообщение о том, что в СССР появились молодые люди, называющие себя фашистами.

Очерчивая историческую канву события, мы отошлем читателей к статье С. А. Чарного, который на архивных материалах проследил историю существования молодежных неонацистских групп в 1950—1980-е гг. [Чарный 2004]. Резюмируя информацию, содержащуюся в статье, можно сказать, что эти группы были крайне немногочисленны, неактивны и экстравагантны; неудивительно, что многие неонацисты, деятельность которых была раскрыта, не понесли никакого наказания, отделившись «профилактическими» ме-